

МИХАИЛ КРАСИЛЬЩИКОВ

Экономическая футурология. Рецензия: Ж. Аттали Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014.

226

Молодой еврейский юноша из Алжира переезжает в Париж и решает избрать карьеру чиновника, стараясь при этом не порывать с главным, как ему кажется, делом его жизни — музыкой. Он пишет песни для популярной певицы Барбары, одновременно защищая диссертацию по экономике. Карьера в госорганах складывается успешно, он знакомится с будущим президентом Франсуа Миттераном, а в свободное время публикует трактат по философии музыки [Attali, 1977] и дирижирует университетским оркестром Гренобля. Миттеран приглашает молодого экономиста на должность советника, продвигает на пост первого президента Европейского банка реконструкции и развития, и тот становится членом Бильдербергского клуба. Параллельно финансист, музыкант и политик обнаруживает таланты философа и литератора. Пишет книги о каннибальской природе современной медицины, построенной на отчуждении человека от собственного тела [Attali, 1979], роман экзистенциалистского толка [Аттали, 1993] и визионерскую работу «Линии горизонта» [Attali, 1990] о том, как технические объекты изменили нашу цивилизацию.

Отношения с Миттераном ухудшаются, и Аттали издает разоблачительное эссе о сомнительном прошлом бывшего президента Франции. Карьера протеже катится под откос вместе с патроном: Аттали уходит с большинства постов, вдобавок ко всем несчастьям его вместе с Миттераном обвиняют в нелегальных поставках оружия в Анголу («Анголагейт»). Разгорается международный скандал, начинается громкое расследование. Чтобы отвлечься, он пишет биографию Карла Маркса [Attali, 2005] (изданную у нас в серии ЖЗЛ).

Красильщиков Михаил Валерьевич, старший аналитик в проекте «Международные индикаторы устойчивого развития и посткризисные стратегии экономического роста в странах ОЭСР: сравнительный анализ», кандидат экономических наук. Email: krasilshchikov.mikhail@mail.ru
Mikhail Krasilshikov, senior analyst at «International indicators of sustainable development and post-crisis strategy for growth in OECD countries: A Comparative Analysis» project, candidate of economic sciences.

И вот, спустя десять лет, новая книга. Тоже визионерская. Удалось ли автору оправиться после громкого падения и вернуть былую славу провидца, гениального аналитика и интеллектуала?

К сожалению, «Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет», написанная в 2006 г. и совсем недавно изданная в Петербурге, не идет ни в какое сравнение с биографией самого автора. Это тот редкий случай, когда жизнь ученого куда занятнее его творений. В отличие от книги у биографии Аттали есть захватывающий сюжет, композиция и кульминация. Книга же, претендуя на некоторую научность, представляет собой пример бульварной футурологии. В отличие от прошлых идей об отчуждении от собственного тела и восстании разумных вещей, описанных вполне в духе теоретиков «поворота к материальному» [Ло, 2006; Латур, 2007], здесь нет ни былой оригинальности, ни попытки обоснования прогнозов.

Начинается работа с пересказа ранних концепций автора в сильно упрощенной форме: «Каннибализм все еще присутствует, но теперь его цель — обрести силу предков и договориться со смертью. Питаться самой жизнью, чтобы не умереть, — хороший урок для современности» [с. 25]. Далее тон работы становится все более назидательным, Аттали пытается из истории древних людей вывести уроки для современности: «Слово может оказаться смертельным оружием, а рынок опасным, если его не регулировать» [с. 28].

Вторая глава — краткая история капитализма, которую Аттали разбивает на восемь «рыночных форм», исторически сменяющих друг друга: Брюгге (1300 г.), Венеция (1450 г.), Антверпен (1500 г.), Генуя (1550 г.), Амстердам (1650 г.), Лондон (1750 г.), Бостон (1880 г.) и Нью-Йорк (1930 г.). Почему именно восемь? Потому что каждая исторически определенная форма капитализма, по Аттали, привязана к конкретной технологической инновации, а потому формы рынка определяются «восемью основными технологическими новинками, главными из которых стали: печатный станок, бухгалтерский учет, кормовой винт, быстроходная голландская плоскодонка, каравелла, паровой двигатель, двигатель внутреннего сгорания, электромотор» [с. 90]. Но если развитие исследований технологий вдохнуло жизнь в посткритическую социологию [Вахштайн, 2012а], то в смежной дисциплине процесс пошел иначе: технологический детерминизм переродился в постапокалиптическую экономику.

Девятая и последняя «рыночная форма» возникла в 1980-е в Лос-Анджелесе, «где креативный класс, пользуясь благоприятными политическими и культурными условиями, превращает новейшие технологические достижения в продукцию серийного производства» [с. 95]. Далее Аттали описывает формирование современной «кочевой элиты», носителей идеологии «нового номадизма» (что интересно, он претендует на изобретение самого термина «номадизм», еще в 1985 г.).

А дальше начинается собственно история будущего. Его первая волна («максимум через тридцать лет») сметет с лица земли «американскую империю» [с. 114]. Европейский союз окажется в заведомо проигрышной ситуации: «будет всего лишь единым экономическим пространством... хотя евро и будет широко использоваться в мире, но ЕС не удастся создать единые политические, социальные и военные институты» [с. 120]. Произойдет масштабная коммерциализация времени. На дорогу станут тратить по полжизни, а время, проведенное в пути, будет засчитываться как рабочее и войдет в трудовой стаж [с. 124]. «Человек будет постоянно находиться онлайн, а к 2030 году кочевая мобильность перерастет в гипернаблюдение — одну из черт следующей формы рыночного уклада» [с. 129].

Закончится все не так чтобы совсем плохо. Накатит вторая волна будущего. Мир распадется на части, но возникнет одиннадцать новых центров: «одиннадцать мощных экономических и политических держав: Япония, Китай, Индия, Россия, Индонезия, Корея, Австралия, Канада, ЮАР, Бразилия и Мексика. Я так их и называю — одиннадцать. Через 20–25 лет эти страны превратятся в рыночные демократии, но ни одна из них не станет центром в прямом смысле слова» [с. 159]. Для России этот сценарий открывает особо радужные перспективы: «Россия создаст городскую инфраструктуру, правовые основы, защищающие частную и интеллектуальную собственность, современную банковскую систему и значительно улучшит систему здравоохранения» [с. 164]. Но потом накатит третья волна будущего: «Полицентрический порядок не продержится долго: по своей природе рынок — завоеватель. Он не признает границ и дележа территорий. Он не станет подписывать с государствами мирный договор и откажется отдавать им свои полномочия. Он распространится на весь государственный аппарат и отнимет у правительств (даже в полицентрическом мире) их последние прерогативы, в том числе суверенитет» [с. 171–172].

В 2050 г. начнется долгий процесс разрушения государств [с. 183]. Государства станут ностальгическим воспоминанием [с. 186]. Абсолютная власть сосредоточится в руках у хозяев новой глобальной гиперимперии — гиперкочевников. «Победа рынка над демократией создаст беспрецедентную ситуацию: рынок без государства... Государства, или то, что от них останется к 2050 году, станут совокупностью предприятий, преследующих одинаковые цели» [с. 200]. Но заканчивается все всегда тем, что «власть денег сменяется властью оружия» и на смену гиперимперии придет гиперконфликт — четвертая волна будущего. Дальше идет 20 страниц бодрящего описания пиратов, террористов, мафиози, гипернаблюдателей, гиперсолдат, гиперкочевников, новых фундаменталистов, старых фундаменталистов, сепаратистов, наемников и иных двигателей прогресса, бескомпромиссных сторонников реорганизации мира [с. 225–245].

Если до этого момента книга великого французского экономиста напоминала отчаянный гибрид всех постапокалиптических фильмов одновременно (четвертая волна будущего — это, видимо, «Бегущий по лезвию», а пятая — смесь «Кин-дза-дзы» и «Безумного Макса»), то с шестой волной на смену гиперконфликту приходит гипердемократия. Новые социальные организации, отвечающие нуждам технологически мутировавшего трансчеловечества, создают новую солидарность. А закончится все хорошо: «Гипердемократия создаст общее благо, которое породит коллективный разум» [с. 260]. На этой фразе автор успокаивается и повторяет вслед за Карлом Марксом последнюю фразу «Критики Готской программы» (1875): «*Dixi et salvavi animam meam*» («Сказал и тем спас свою душу»).

Несомненно, Жак Аттали, создавший столь гибридный и нечитаемый текст, — ближайший наследник утопистов от социологии и экономики, любителей смешать футурологические и социологические формы дискурса. Неслучайно предисловие к его предыдущей книге написал Элвин Тоффлер. Но куда интереснее то, как именно Тоффлер начинает свое предисловие: «Тот факт, что мой друг Жак Аттали незнаком большинству американцев, включая большинство философов и политических деятелей Соединенных Штатов, — лишнее свидетельство интеллектуального провинциализма этой страны. В течение десяти лет Жак Аттали был советником по экономическим вопросам президента Франции Франсуа Миттерана. Его рабочий стол стоял возле двери кабинета президента, и именно он постоянно присутствовал на его встречах как с советским президентом Михаилом Горбачевым, так и со многими другими руководителями крупного масштаба. Это он подсказывал различные идеи Миттерану, помогая ему уверенно вести страну в XXI век» [Тоффлер, 1993]. Главным доказательством ценности идей автора провозглашается близость его стола к столу президента! И действительно, великий утопист должен всегда находиться близко к центру принятия решений — это сообщает его прозрениям совершенно иной статус и ореол, в чем нас убеждает пример Томаса Мора. Что характерно, Мор для самого Аттали — не утопист, а прозорливый политик и футуролог, сумевший предвосхитить появление новой формы парламентаризма: «Когда в 1516 году Томас Мор мечтал о народном избрании правителей воображаемого острова Утопия, он и предположить не мог, что четыре века спустя министров его страны будет избирать народ» [с. 247].

В жанровом отношении книга Аттали более всего напоминает экспериментальный коллаж, склеенный В. Вахштайном из фрагментов фантастической и социологической литературы, чтобы показать родство этих «фреймов». «Непредвзятый читатель — пишет Вахштайн, — легко обнаружит „избирательное сродство“ всех элементов созданного мной гибридного текста-киборга. Причем срод-

ство это не ограничивается выбором риторических средств и общностью жанра манифеста. В каждом из текстов — принадлежат ли они перу социолога или писателя-фантаста — используются одни и те же эпистемические „коды“, транслирующие общую для социологии и фантастики 1980-х систему различений и релевантностей: поиск *Zeitgeist*, техноцентризм, интерес к различным формам гибридности, футуристический утопизм» [Вахштайн, 2012b]. Ровно те же «коды утопического воображения» мы найдем и в книге Аттали. У социологов нет монополии на утопизм. Тот же автор в другой статье пишет: «Утопическое воображение — один из мощных ресурсов формально-рационального мышления, воплощенного в планировании и проектировании» [Вахштайн, 2013]. И хотя речь идет о воображении проектировщика-градостроителя, чем принципиально оно отличается воображение планировщика-экономиста?

230

Собственно, книга Аттали хорошо иллюстрирует данный тезис. Утопизм недавних инженеров общего рынка, архитекторов свободной торговли, строителей Новой Европы мало чем отличается от утопизма Мора и Кампанеллы. Социологическое воображение — не единственный (и, я бы добавил, не главный) импортер утопических «кодов». Куда больше на этом поприще сделано постоянными авторами журнала «The Economist». Чего стоит, к примеру, одна книга Ф. Кэйрнкросса «Смерть дистанции» [Cairncross, 2001].

И здесь, мне кажется, проявляется слабость социологов, пытающихся узурпировать утопическое воображение, показать его эксклюзивную связь именно с социальной теорией. Это приводит к тому, что тот же самый социолог — специалист по утопиям — может не заметить свой объект, когда начинает анализировать, например, экономическую политику стран ОЭСР [Вахштайн, Мешкова, Железов, 2005]. Экономические модели кажутся социологу сугубо реалистическими, основанными на анализе объективных данных, а социологические — утопическими, построенными на конструктах воображения. Но в политике стран ОЭСР (или Евробанка, детища Аттали) ровно столько же утопизма, сколько и в работах Томаса Мора. Современная глобальная экономика — это футурология. Куда больше, чем современная постмодернистская социология.

Книга Жака Аттали, лишенная собственного содержания, тем не менее, способна принести пользу экономической и социальной науке. Мы теперь можем задавать вопросы о связи утопического воображения с экономическим и социологическим мышлением. Искать общие коды и проследивать траектории их трансформации, которые «бульварная футурология» делает более заметными. (К примеру, есть ли у социологов-утопистов такая же любовь к «сценарному мышлению» футурологов? Способность мыслить трендами, а не метафорами?) Но пока мы читаем текст Аттали (а не делаем его предметом

анализа), нас волнуют совсем другие вопросы. Например, удалось ли ему этой книгой отвлечь внимание от скандала с поставками оружия в Анголу, и вернется ли он когда-нибудь к музыкальной карьере?

Библиография

- Аттали Ж. (1993) Первый день после меня. *Дружба народов*, (12).
- Вахштайн В.С. (2012a) Пять книг о посткритической социологии. *Социология власти*, (6-7).
- Вахштайн В.С. (2012b) Предисловие главного редактора. *Социология власти*, (6-7).
- Вахштайн В.С. (2013) Социология архитектурного объекта между формальной и практической рациональностью. *Новое литературное обозрение*, 3 (121).
- Вахштайн В.С., Мешкова Т.А., Железов Б.В. (2005) Основные тенденции государственной политики в сфере высшего образования в странах ОЭСР. *Вопросы образования*, (2).
- Латур Б. Об интеробъективности. (2007) *Социологическое обозрение*, 6 (2).
- Ло Дж. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, (1).
- Тоффлер Э. (1993) Предисловие // Аттали Ж. *На пороге нового тысячелетия*, М.: Международные отношения,
- Attali J. (1977) *Bruits*, Paris: P U F.
- Attali J. (1979) *L'ordrecannibale: Vie et mort de la medecine*, Paris: Fayard.
- Attali J. (1990) *Lignes d'horizon*, Paris: Fayard.
- Attali J. (1993) *Pervyi den' posle menia* [Le premier jour après moi]. *Druzhba narodov*, (12).
- Attali J. (2005) *Karl Marx ou l'esprit du monde*, Paris: Fayard.
- Cairncross F. (2001) *The Death of Distance: How the Communications Revolution Is Changing our Lives*, Mass.:Harvard Business Review Press.
- Latour B. *Ob interob'ektivnosti* [On intersubjectivity]. (2007) *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 6 (2).
- Law J. (2006) *Ob'ekty i prostranstva* [Objects and Spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, (1).
- Toffler E. (1993) Predislovie [Foreword] // Attali Zh. *Na poroge novogo tysiacheletia* [Winners and losers in the Coming World Order], М.: Mezhdunarodnye otnosheniia,
- Vakhshtayn V.S. (2012a) *Piat' knig o postkriticheskoi sotsiologii* [Five books on postcritical sociology]. *Sotsiologiya vlasti*, (6-7).
- Vakhshtayn V.S. (2012b) *Predislovie glavnogo redaktora* [Editor's Foreword]. *Sotsiologiya vlasti*, (6-7).
- Vakhshtayn V.S., Meshkova T.A., Zhelezov B.V. (2005) *Osnovnye tendentsii gosudarstvennoi politiki v sfere vysshego obrazovaniia v stranakh OESR* [Main trends of state policy in higher education in OECD countries]. *Voprosy obrazovaniia*, (2).
- Vakhshtayn V.S. (2013) *Sotsiologiya arkhitekturnogo ob'ekta mezhdu formal'noi i prakticheskoi ratsional'nost'iu* [Sociology of architectural object in between formal and practical rationality]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3 (121).